

УДК 316.6

## ОСОБЕННОСТИ И ДИНАМИКА САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Э.А. Ахмадуллина, Г.Ш. Габдреева

### Аннотация

Показана роль самоактуализации в процессе социокультурной адаптации. В качестве модели ситуации, актуализирующей процессы адаптации, рассматриваются условия эмиграции. Исследование организовано на основе лонгитюдной стратегии, изучен процесс протекания самоактуализации у эмигрантов на протяжении шести лет проживания в иноязычной культуре. Выявлены особенности этого процесса в связи с половой принадлежностью субъектов самоактуализации.

---

Постоянно меняющаяся, насыщенная событиями жизнь в современном мире вынуждает человека актуализировать процессы адаптации для достижения адекватного взаимодействия с условиями среды. При этом социальная среда как важнейшая составляющая окружающей среды в целом, безусловно, активно влияет на формирование адаптационных механизмов личности, реализующихся в процессе *социализации*. С точки зрения психологии *социализация* – это процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидуом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности. В современной отечественной науке выделяется особое направление исследования социализации – изучение *социальной адаптации*. В самом общем виде под социальной адаптацией понимается взаимодействие личности или группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников.

Одним из наиболее значимых аспектов исследования феномена социальной адаптации является культурологический, ставящий в фокус внимания проблему взаимосвязи социальной адаптации и культуры. Культурная адаптация (*аккультурация*) является диалектическим единым процессом приспособления общества и составляющих его индивидуумов к условиям культурной среды и ее преобразования (Д. Майерс [1], Э.С. Маркарян [2], В.Ю. Хотинец [3]). Поскольку аккультурация не может происходить вне социальной системы и служит одной из ее характеристик, говорят о влиянии социально-культурной среды и используют уточняющий термин – *социокультурная адаптация* (Л.Ф. Анн-Вилсон [4], Дж. Берри [5] и др.).

Для психологии традиционно выделение *личностного аспекта социокультурной адаптации*. Личность признается истоком и завершением адаптационных процессов. Подчеркивается стремление личности обрести собственную

стратегию взаимодействия с новой окружающей реальностью, преобразовать диапазон и вектор проявления своих адаптационных возможностей. Акцентируя внимание на значении личностного аспекта социокультурной адаптации, ученые отмечают приоритетность *личностной регуляции* в этом процессе. Именно личность, превращаясь в центр интеграции, регулирует объединение в одно целое необходимых для успешного взаимодействия с окружающей реальностью психических, психофизиологических и физиологических свойств и обеспечивает возникновение таких соотношений между ними, которые необходимы в измененных жизненных условиях. Среди отличительных признаков личностной регуляции отмечается степень *самоактуализации* [6, 7]. Доказано, что при наличии тенденции к самоактуализации наблюдаются удовлетворенность субъекта своей жизнью, конструктивность социального поведения, осознанность средств достижения жизненных целей. Самоактуализация выполняет роль активизирующего, направляющего и регулирующего основания в формировании компетентного стиля жизни, то есть согласованной, социально полезной и субъективно удовлетворяющей системы психологических средств конструирования личностью основных измерений своего бытия (социально-психологического пространства, психологического времени и внутреннего мира). В процессе самоактуализации происходят специфические изменения в системе саморегуляции социального поведения: формируются определенные системы ценностных ориентаций, средств и форм организации жизнедеятельности.

Рядом авторов показано, что у лиц, имеющих характеристики ценностно-мотивационной сферы личности, определяющие ее стремление к самоактуализации, процесс социальной адаптации протекает успешнее [6–9]. Однако до сих пор никем не исследовались особенности динамики самоактуализации личности в процессе социокультурной адаптации, в связи с чем они явились предметом нашего исследования. Показатели самоактуализации выступили в качестве объектов диагностики в эмпирическом исследовании процесса социальной адаптации. В качестве модели ситуации, требующей социальной адаптации, рассматривается ситуация эмиграции как максимально возможным образом интегрирующая в себе условия, которые являются детерминантами этого процесса [4].

Поскольку половые особенности пронизывают все структуры личности, во внимание была принята необходимость учитывать протекание процесса социальной адаптации в зависимости от половых особенностей личности. В работах многих исследователей [10–12] показано, что центральными в половых различиях являются личностные образования, и в частности свойства личности, интегрирующие психологические процессы и состояния. Однако ни в докторской диссертации И.В. Грошева [10], ни в фундаментальной обзорной монографии Е.П. Ильина [12], ни в других источниках, посвященных этой теме, нами не обнаружены данные о характере изменения составляющих самоактуализации личности в условиях социальной адаптации в зависимости от пола субъекта. В данном исследовании предпринимается попытка восполнить этот пробел в знаниях.

В качестве основного диагностического инструмента был использован «Вопросник самоактуализации личности» Н.Ф. Калиной [7], разработанный на основе теории самоактуализации А. Маслоу. В методику включены две основ-

ные шкалы личностной ориентации: первая (временная) показывает, насколько человек склонен жить в настоящем, не откладывая это «на потом», а вторая (опоры и поддержки) измеряет способность личности опираться на себя, а не на ожидания или оценки других людей. Кроме того, методика имеет 10 дополнительных шкал, измеряющих такие качества, как «самоуважение», «спонтанность», «бытийные ценности», «позитивность взглядов на человеческую природу», «потребность в познании», «креативность», «автономность», «самопонимание», «аутосимпатию», «контактность», «гибкость». Параллельно оценивались и другие характеристики ценностно-мотивационной сферы личности: ценностные ориентации, локус контроля, составляющие структуры личности, характеристики социальной адаптации. Выбор методик обосновывался следующими представлениями.

Классической для изучения ценностных ориентаций считается методика М. Рокича «Ценностные ориентации». Она направлена на выявление субъективной значимости ценностей для личности. Используя в своей работе диагностическую методику М. Рокича, мы отдавали себе отчет в том, что измерение ценностных ориентаций основано на применении субъективных сравнительных оценок значимости ценностей, даваемых самим испытуемым, то есть с помощью этой методики исследуются не «истинные» для человека ценности, а их субъективные отражения в индивидуальном сознании. Тем не менее изменение субъективной позиции по отношению к ценностям может рассматриваться в качестве одного из показателей динамики ценностно-мотивационной сферы личности в процессе ее социальной адаптации. Дополнительно для исследования побудительной стороны личности была использована методика В.Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности». Данные, полученные с помощью этой методики, позволяют выявить некоторые устойчивые тенденции личности: общую и творческую активность, стремление к общению, комфорту, определенному социальному статусу и др. На основе ответов можно составить суждение о «рабочей» (деловой) и «общежитийской» направленности личности. Методика позволяет оценивать следующие составляющие мотивационной структуры: «жизнеобеспечение», «комфорт», «социальный статус», «общение», «общая активность», «творческая активность», «социальная полезность».

Методика А.А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи» позволяет диагностировать уровень «мотивации на успех» (надежду на успех) или, наоборот, «мотивации на неудачу» (боязнь неудачи). Известно, что силу мотива избегания неудачи следует рассматривать исключительно как отрицательную переменную, поскольку мотив избегания неудачи побуждает к уклонению от напряжения усилий и продолжительной деятельности [13]. Считается, что мотивированный на успех индивид ориентирован на настоящее и будущее, тогда как индивиды, мотивированные на избегание неудачи, уклоняются от деятельности, связанной с целеполаганием и осуществлением цепи реалистичных действий. В целом сила мотива достижения, складывающаяся из двух мотивационных тенденций – стремления к успеху и избегания неудачи, – оказывает существенное влияние на представление о характере социальной адаптации личности. Это побудило нас воспользоваться возможностью диагностики этой мотивационной характеристики личности.

Среди прочих рассматриваемых свойств в поле внимания нашего исследования – феномен казуальной атрибуции, проявляющейся на личностном уровне в сформированности «локуса контроля». Казуально-причинная интерпретация собственных поступков и поведения входит в круг составляющих ценностно-мотивационной сферы личности, в связи с чем диагностика этой личностной особенности также включалась в задачи исследования. Методика Д.Роттера является наиболее популярной среди психологов, опирающихся на данные исследования локуса контроля.

Определение уровня «социальной фрустрации» осуществлялось с помощью методики В.В. Бойко, которая позволяет фиксировать степень неудовлетворенности социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности. Известно, что фрустрация – состояние переживания нереализованных намерений и неудовлетворенных потребностей. Социальная фрустрированность – форма фрустрации, обусловленная неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социально заданных иерархиях. Каждое общество в зависимости от материально-экономического развития, уровня правовой и нравственной культуры предлагает своим членам определенные возможности социального роста и удовлетворения социальных потребностей в сферах образования, общения, профессиональной деятельности, жилищно-материального обеспечения, не все из которых являются легко доступными для эмигрантов. Неудовлетворенность по отдельным направлениям социально заданных иерархий накапливается и образует постоянный фон эмоционального напряжения личности. Это побудило нас использовать вышеназванную диагностическую методику для оценки уровня социальной фрустрированности участвующих в нашем исследовании респондентов.

Поскольку самоотношение входит в структуру ценностно-мотивационной сферы, определяя протекание адаптационных процессов, в использованный нами диагностический аппарат включена «Методика исследования самоотношения» (МИС) С.Р. Пантилеева. Конструирование методики осуществлялось ее автором с опорой на понимание самоотношения как выражения смысла «Я» для субъекта. Пантилеев предположил возможность исследования самоотношения средствами современной экспериментальной психосемантики. Предварительно им было проведено глубокое эмпирическое исследование, направленное на реконструкцию пространства самоотношения методами факторного анализа, с помощью которого были выявлены три устойчивых фактора: «самоуважение», «аутосимпатия», «самоуничижение».

Поскольку основной целью данной работы явилось исследование динамики самоактуализации в процессе социальной адаптации, для выяснения характера социальной адаптации была использована методика А.К. Осницкого, являющаяся авторской модификацией опросника социально-психологической адаптированности (СПА), разработанного К. Роджерсом и Р. Даймондом. В центре внимания авторов методики и ее русифицированного варианта ряд факторов личностного развития, таких, как «самооценивание», «самоприятие», «приятие других», «социальная направленность личности», «стремление к доминированию», «выраженность интернальности в решениях и действиях» и другие.

На первом этапе исследования был осуществлен сравнительный анализ данных диагностики отдельных показателей самоактуализации личности, а также их структур. Из обозримого количества эмигрантов, выехавших из России по собственному желанию, были отобраны лица, стоящие в начале процесса социокультурной адаптации, – 52 респондента (26 – проживающих в Англии и 26 – россиян). В центре внимания находились эмигранты, выехавшие из России по собственному желанию. Объективной причиной их эмиграции является работа по бессрочному контракту. Однородность выборки обеспечивалась сходством испытуемых по следующим критериям: социально-экономический статус (наличие высшего образования и работы, обеспечивающей стабильный материальный доход), пол (выборка представлена равным количеством мужчин и женщин), возраст (около 30 лет), национальность (русские).

Этот момент явился первым диагностическим срезом и началом последовавшего далее лонгитюдного исследования, целью которого было изучение различий в динамике самоактуализации личности эмигрантов – бывших россиян и жителей России, причем именно таких, которые обусловлены особенностями социальной ситуации развития. Проведенное на данном этапе исследование показало, что в самом начале эмиграции обследованные нами респонденты имели лишь некоторые малосущественные отличия от россиян по диагностированным показателям. В основном различия касаются степени принятия англоязычной культуры, что вполне объяснимо. Кроме того, эмигранты отличаются количественными значениями ценностных ориентаций, в целом приближающими их к ценностям западной культуры. Не обнаружено существенных различий и между корреляционными структурами, образованными взаимосвязями исследуемых показателей.

Второй диагностический срез был осуществлен по прошествии двух лет после первого. Поскольку эмигранты к этому времени были полностью погружены в процесс социокультурной адаптации, предполагалось выявить определенные различия в выраженности показателей самоактуализации у эмигрантов и россиян, которая, как отмечалось выше, способствует адаптации. Выяснилось, что за прошедшие два года действительно начинают проявляться существенные различия в показателях самоактуализации личности эмигрантов и россиян.

Большее количество различий между эмигрантами и россиянами выявлено в группе *женщин*. Выяснилось, что на данном этапе исследования эмигрантки по ряду показателей менее самоактуализированы, чем россиянки. Так, если у россиянок показатель «ориентирования во времени» составляет 8.33 балла, то у женщин-эмигранток значение этого показателя ниже и составляет 5.07 ( $\Delta x = -3.26$  при  $p \leq 0.001$ ). Показатель «ценности» также выше у россиянок (9.40 к 7.47 балла,  $\Delta x = -1.93$ ,  $p \leq 0.05$ ), как и показатель «взгляд на природу человека» (5.13 к 4.0 балла,  $\Delta x = -1.13$ ,  $p \leq 0.05$ ). Ниже у эмигранток и показатель «ауто-симпатии» (у россиянок 7.13, а у эмигранток – 4.60,  $\Delta x = 2.43$ ,  $p \leq 0.01$ ), что свидетельствует о тревожности, неуверенности в себе. При этом у эмигранток выше значение такого показателя самоактуализации, как «внешний контроль», что говорит о большей управляемости, чем это свойственно россиянкам.

Что касается различий между эмигрантами и россиянами в группе *мужчин*, то можно сказать, что они касаются лишь «эмоционального дискомфорта»,

значение которого выше у эмигрантов (11.27 к 21.60,  $\Delta x = 10.33$  при  $p \leq 0.05$ ). Другими словами, на третьем году проживания в эмиграции эмигранты-мужчины (бывшие россияне) испытывают большую степень эмоционального комфорта, то есть более свободны в выражении чувств, оптимистичны, довольны жизнью, уравновешены, менее тревожны, чем мужчины, проживающие в России.

Корреляционный и дивергентный анализы данных, полученных на втором этапе исследования, позволили выделить целый ряд существенных статистически значимых различий между сравниваемыми структурами, образованными показателями выборок эмигрантов и россиян, не наблюдавшимися при анализе результатов первого диагностического среза.

На рис. 1 представлены корреляционные плеяды показателей самоактуализации, диагностированных на этом, втором этапе исследования. Сравнение взаимосвязи показателей позволяет говорить о некоторых существенных различиях структур. Женская выборка эмигрантов показывает несформированность структуры самоактуализации. Как видно из рисунка, женщины-эмигрантки отличаются от российских по степени самоактуализации не только количественными значениями ее показателей, о чем говорилось выше. Заметное отличие наблюдается и в характере взаимосвязей показателей. Если в структуре показателей российской выборки выявлено 11 взаимосвязей, то в группе эмигранток только 4. Это говорит о большем функциональном единстве исследованных свойств в структуре показателей россиянок и меньшем – у эмигранток. В структуре показателей самоактуализации в группе эмигранток центральное образование (показатель 6) – автономность, являющаяся, по мнению большинства гуманистических психологов, критерием здоровья личности, ее целостности, а также независимости и свободы. Этот показатель связан с показателем 5 (креативностью) ( $r = 0.66$  при  $p \leq 0.001$ ), то есть творческим отношением к жизни, 8 (самопониманием) ( $r = 0.77$  при  $p \leq 0.01$ ) и 9 (аутосимпатией) ( $r = 0.54$  при  $p \leq 0.001$ ). Кроме того, в структуре показателей эмигранток высока корреляция между контактностью, то есть общительностью личности (показатель 10) и гибкостью в общении (11). Остальные показатели самоактуализации не принимали участие в организации структуры. Так, «выпадают» из структуры показатели 1 (ориентация во времени), 2 (направленность на основные ценности), 4 (потребности в познании). Общий балл самоактуализации не объединяет показатели в единую структуру, что свидетельствует о ее несформированности, в отличие от идентичной структуры показателей самоактуализации в выборке россиянок. Как уже отмечалось, структура показателей россиянок образована 11-ю взаимосвязями, представляет из себя цельное образование, в которое не включен только один показатель – 7. Это показатель «спонтанности», свидетельствующей о том, что самоактуализация стала образом жизни, а не является мечтой или стремлением. Способность к спонтанному поведению соотносится со свободой и естественностью, но фрустрируется культурными нормами (Н.Ф. Калина).

Данные визуального анализа дополнены нами объективными данными попарного сравнения взаимосвязей в исследуемых структурах, осуществляемого с помощью дивергентного анализа. Дивергентный анализ позволяет выявить различия между структурами в парах взаимосвязей, не наблюдаемые на рисунках.

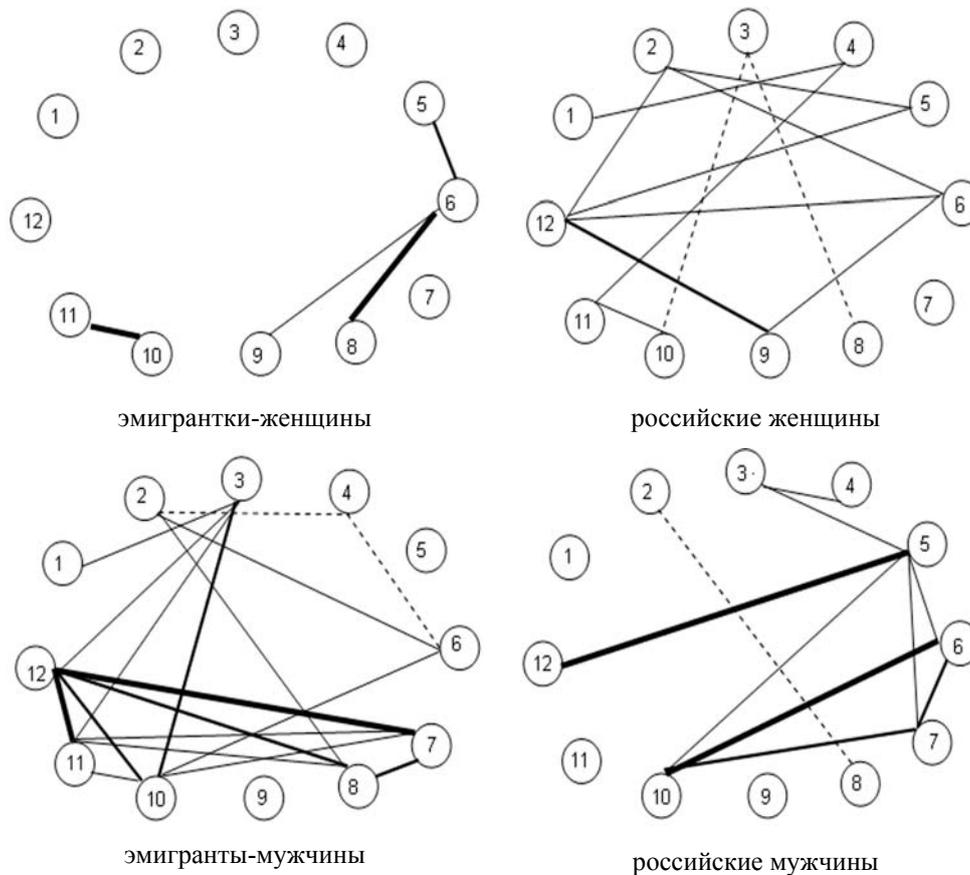


Рис. 1. Корреляционные плеяды показателей самоактуализации, диагностируемых на втором этапе исследования. Показатели: 1 – ориентирование во времени; 2 – ценности; 3 – взгляд на природу человека; 4 – потребность в познании; 5 – креативность; 6 – автономность; 7 – спонтанность; 8 – самопонимание; 9 – аутосимпатия; 10 – контактность; 11 – гибкость в общении; 12 – общий балл самоактуализации.

*Примечание:*

	Прямая связь	Обратная связь
$p=0.05$	—	- - - - -
$p=0.01$	—	- - - - -
$p=0.001$	—	- - - - -

Наиболее существенные различия в структурах обнаруживаются во взаимосвязи показателей 6 и 8 (что, кстати, наблюдаемо и в визуальном анализе) и между показателями 3 и 11. На рисунке ни в одной из структур последняя взаимосвязь не прорисована, поскольку абсолютная величина ее значимости невысока. Но, поскольку в одном случае эта связь носит отрицательный характер, а в другом – положительный, в целом разброс между значениями этой связи большой, и математический аппарат дивергентного анализа позволяет обратить внимание на различие в характере взаимосвязи между этими парами показателей. Показатель 3 (вера в могущество человеческих возможностей) в выборке россиянок отрицательно коррелирует с показателем 10 (контактность). Иначе говоря, при

низких показателях контактности, что характерно для лиц малообщительных, ригидных, неуверенных в себе, повышается вера в людей и их могущество.

В выборке эмигранток взаимосвязь носит прямо противоположный характер и выглядит логичнее. В корреляционной структуре, образованной показателями самоактуализации, диагностируемыми в группе эмигранток, высокие показатели контактности в общении соответствуют симпатии и вере в людей.

В целом корреляционный анализ данных, полученных с помощью методики диагностики самоактуализации личности, позволяет утверждать, что, как это уже обнаружено с помощью количественного анализа, на данном этапе исследования самоактуализация личности носит более сформированный характер в группе россиянок, нежели эмигранток. По-видимому, ситуация эмиграции не способствует развитию гуманистической направленности личности в сторону ее самоактуализации. Последнее говорит о том, что социальная адаптация эмигрантов на третьем году эмиграции достаточно успешно протекает только у мужчин. У женщин она идет по типу «врастания» в социокультурную среду и подчинения себя ей, а не путем ее преобразования. В мужской выборке анализируемая тенденция противоположна той, что наблюдается в женской выборке респондентов, хотя и не в таком ярко выраженном виде. Структура показателей самоактуализации эмигрантов-мужчин лучше сформирована, чем в группе россиян-мужчин. В нее включены практически все показатели самоактуализации, кроме 5-го (стремление к творчеству), который у россиян имеет существенное значение в структуре, фактически являясь системообразующим элементом (что логично с точки зрения самого определения самоактуализации).

Ситуация эмиграции не способствует развитию творческого потенциала, побуждая эмигрантов «вживаться», а не «преобразовывать». Кроме того, в структуре самоактуализации эмигрантов большее значение приобретают показатели 10 (шкала контактности) и 11 (шкала гибкости в общении). Можно объяснить это тем, что необходимость социальной адаптации требует установления социальных контактов, в чем в большей степени нуждаются эмигранты, нежели россияне.

Дивергентный анализ позволяет выявить наиболее заметные различия структур. Существенные различия в структурах наблюдаются во взаимосвязях показателей 2 и 8 (ценности и самопонимание), что наблюдаемо и в визуальном анализе, и между показателями 11 и 12 (гибкостью в общении и самоактуализацией). В одном случае эта связь носит положительный характер, а в другом – отрицательный. Показатель «ценности», что означает предпочтение истины, добра, красоты, жизненности, уникальности, игры, самодостаточности, совершенства, взаимосвязан с самопониманием – сензитивностью к своим желаниям и потребностям. В выборке российских мужчин данная взаимосвязь носит отрицательный характер, то есть наблюдается такая закономерность: высокий показатель гибкости в общении говорит об отсутствии социальных стереотипов и влияет на стремление к самоактуализации у эмигрантов-мужчин.

*Третий этап исследования*, как уже отмечалось выше, осуществлялся через шесть лет после первого и через четыре года после второго. Кризисным этапом социокультурной адаптации считается третий год проживания в эмиграции [4]. В данном случае, по прошествии шести лет с момента выезда из России, можно

считать, что кризисный этап обследованными нами эмигрантами уже преодолен и фактически завершен процесс социальной адаптации, который, по мнению К. Уард и Б. Кеннеди, должен на начальных этапах кросс-культурного перемещения осуществляться стремительными темпами и затем эти темпы снижать вплоть до того, что кривая роста постепенно переходит в горизонтальную линию.

Эмпирические данные, полученные на третьем этапе исследования, осуществленного по прошествии шести лет после первого и четырех лет – после второго диагностического этапа, свидетельствуют об отсутствии достоверных различий между эмигрантами и россиянами в значениях показателей фрустрированности, характера самоотношения и мотивационной структуры.

Различия наблюдаются только в данных диагностики самоактуализации личности, характеристик ее социальной адаптации и мотивации достижения. Что касается различий по количественным данным в группах мужчин, то их немного. В основном это различие в показателе приятия других, значения которого выше у эмигрантов ( $\Delta x = 6.4$  при  $p \leq 0.001$ ). То же касается и показателя «ведомости», говорящего об отсутствии собственных убеждений и правил и свидетельствующего об ориентации на мнение других людей, боязни испортить отношения с ними, уступчивости, податливости. Этот показатель также выше у эмигрантов-мужчин ( $\Delta x = 4.53$ ,  $p \leq 0.05$ ).

Больше всего достоверных различий в количественных значениях показателей самоактуализации, обнаруженных между диагностическими этапами, наблюдается в группах эмигрантов, и особенно – женщин. Так, например, достоверное различие выявлено в показателе «потребность в познании»: у эмигранток-женщин он выше, чем у россиянок ( $\Delta x = 3.77$  при  $p \leq 0.001$ ). Сравнительный анализ количественных данных показывает, что, кроме того, эмигрантки-женщины отличаются от российских женщин адаптивностью (ответственностью, способностью опираться на себя), интернальностью (склонны к большому осмысливанию своего поведения, считают, что успехи или неудачи не случайны и зависят от них самих), приятием других, то есть способностью устанавливать теплые отношения с окружающими, а также мотивацией достижения – надеждой на успех. Показатель «приятие других» ( $\Delta x = 6.63$  при  $p \leq 0.01$ ) выше у эмигранток-женщин.

Структурный анализ показателей самоактуализации (1–12) позволяет визуально выявить различия между *выборками эмигрантов и россиян* (см. рис. 2).

У эмигранток-женщин на этом этапе исследования структура показателей носит более сформированный характер в отличие от аналогичной структуры российских женщин. На рисунке бросаются в глаза различия во взаимосвязи показателя 1 (ориентация во времени) с другими показателями. В ценностно-мотивационной структуре показателей россиянок этот показатель мало значим и не связан с показателями социальной адаптации. По-видимому, для адаптации в социуме российским женщинам не так важна ориентация на ценность жизни «здесь и теперь», как это важно для эмигранток. Системообразующими показателями структур самоактуализации в группах россиянок и эмигранток являются показатели контактности (10), то есть общительности, предрасположенности к контактам с другими людьми, и в целом самоактуализации (12 – интегральный показатель самоактуализации). Структура показателей самоактуа-

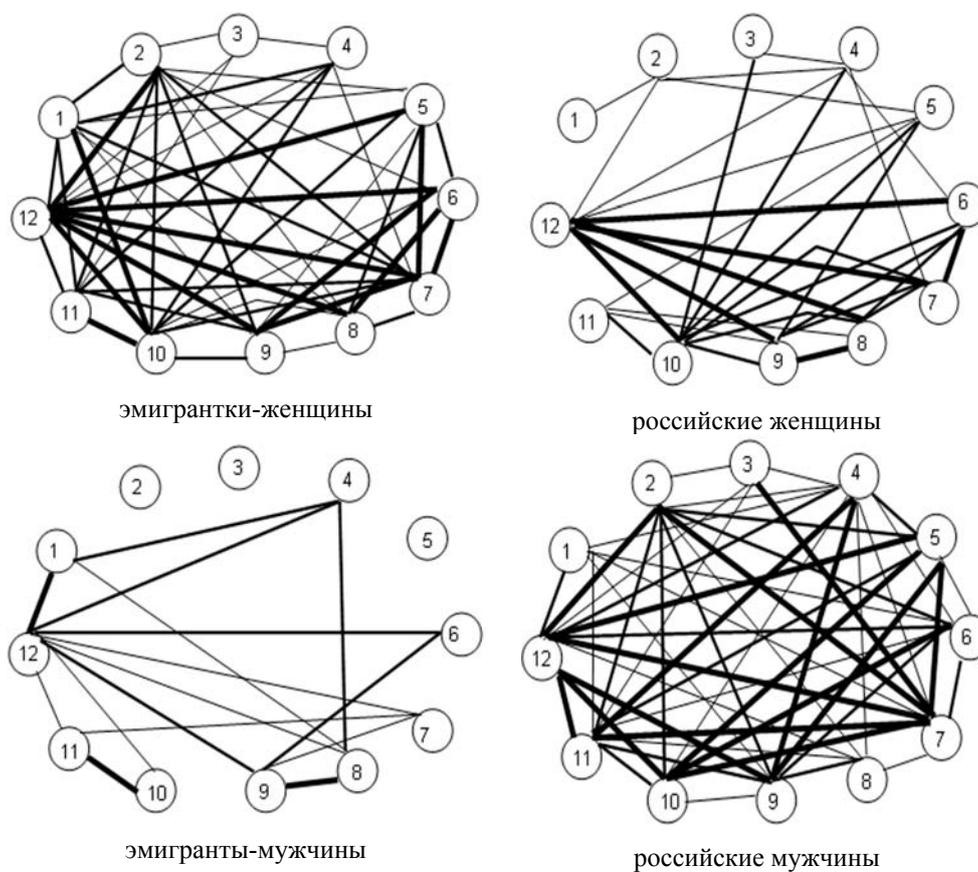


Рис. 2. Корреляционные плеяды показателей самоактуализации, диагностируемых на третьем этапе исследования (см. примечание к рис. 1)

лизации эмигранток имеет намного большее количество связей, чем аналогичная структура россиянок, что говорит о большей сформированности самоактуализации у эмигранток, чем у их соотечественниц. Так, в структуре эмигранток высокую значимость приобретает стремление к общечеловеческим ценностям (2), вера в могущество человеческих возможностей (3), креативность (5), то есть стремление к творчеству, гибкость в общении (11). Все это говорит о том, что эмигрантки на данном этапе диагностики проявляют себя как самоактуализирующиеся личности в большей степени, чем россиянки.

Дивергентный анализ, с помощью которого выявляются достоверные различия между сравниваемыми структурами, то есть анализ, дающий возможность производить попарное сравнение показателей, подтверждает факт большого количества различий между структурами. Выявлено 93 достоверных различия. Описать такое большое их количество не представляется возможным в рамках одной работы. В данном случае важен сам факт достоверного различия сравниваемых структур.

Что касается *мужских выборок*, то характер структурной организации показателей прямо противоположен тому, что наблюдается в женской выборке. Структура самоактуализации эмигрантов-мужчин образована всего 17 взаимо-

связями, из нее «выпадают» показатели 2 (общечеловеческие ценности), 3 (вера в человеческие возможности) и 5 (креативность). Как мы уже отмечали при описании результатов диагностики, проведенной на втором этапе исследования, условия проживания в эмиграции подавляют творческие потенции, активность и инициативность эмигрантов-мужчин.

Поскольку одной из основных целей работы являлось исследование динамики самоактуализации, сравнению подвергались данные количественного и корреляционного анализов, полученных во втором и третьем диагностических срезах.

Динамика количественных данных общего показателя самоактуализации между вторым и третьим этапами диагностики наблюдается во всех четырех группах испытуемых, что позволяет говорить о более выраженной динамике самоактуализации личности у россиян, нежели у их бывших соотечественников (рис. 3).

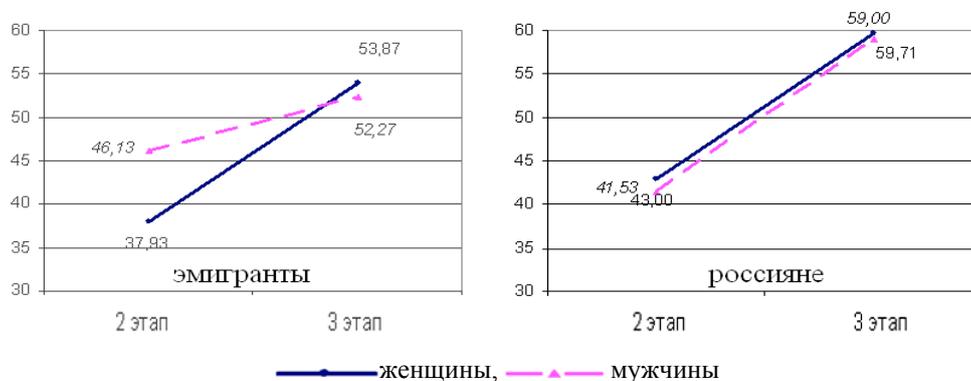


Рис. 3. Динамика интегрального показателя самоактуализации

Результаты сравнения структур показателей, полученных путем двух разделенных четырьмя годами диагностических срезов, также свидетельствуют о ярко выраженной динамике (рис. 1, 2). Особенно заметна динамика структуры самоактуализации в группе *эмигранток-женщин*, она характеризуется значительным увеличением количества взаимосвязей между показателями и усилением их прочности, что делает структуру четко организованной.

В группе *эмигрантов-мужчин* динамика структур своеобразна: хотя количество взаимосвязей в структуре остается практически тем же, но это уже взаимосвязи между другими показателями. Другими словами, в проявлении самоактуализации у эмигрантов-мужчин за прошедшее время акценты сместились: теперь они в меньшей степени ориентируются на других людей и общечеловеческие ценности и больше – на себя (на самопонимание, аутосимпатию), а также на потребность в познании и ориентацию во времени, то есть они стали в большей степени ориентироваться на собственные возможности.

В группе *россиян* также отмечается ярко выраженная динамика структур в сторону увеличения количества взаимосвязей и их усиления. Интересно, что в данном случае наиболее завершенная и прочная структура фиксируется в вы-

борке российских мужчин, тогда как в группе эмигрантов такая закономерность характеризовала выборку женщин.

Сравнительный анализ динамики обобщенной структуры ценностно-мотивационной сферы личности эмигрантов и россиян, в которую включены те ее составляющие, показатели которых диагностировались на втором и третьем этапах исследования, позволил рассмотреть временную динамику, произошедшую за четыре года в показателях самоактуализации личности и ее социальной адаптации.

Количество достоверных различий, появившихся за время исследования в структурах выборки эмигранток-женщин составило, 71, у эмигрантов-мужчин – 77, в группе российских женщин – 69, у российских мужчин – 78. Это говорит о том, что во всех группах испытуемых ярко выражена динамика структур, особенно заметная в мужских выборках. Но по данным, говорящим о количестве различий, выявить особенности динамики весьма затруднительно. В связи с этим осуществлен качественный анализ результатов попарного сравнения взаимосвязи показателей, возможность которого предоставлена математическим аппаратом дивергентного анализа. Если судить по данным дивергентного анализа, то можно говорить о том, что в структуре показателей *эмигранток-женщин* произошли более заметные изменения взаимосвязей между показателями социальной адаптации и самоактуализации, чем это обнаруживается в структуре показателей *женщин-россиянок*. Можно отметить, что контактность, то есть общительность личности, ее предрасположенность к установлению прочных и доброжелательных отношений с окружающими, является наиболее существенным фактором социальной адаптации эмигранток, тогда как в выборке *женщин-россиянок* наиболее существенно стремление к самоактуализации. Общая структура показателей в выборке *мужчин-эмигрантов*, по данным дивергентного анализа, претерпевает существенные изменения, позволяющие говорить о динамике структуры. Однако эти изменения менее выражены, чем в группе *эмигранток-женщин*. В основном достоверность полученных различий между структурами находится на уровне значимости  $p \leq 0.05$ . Основные изменения в структуре показателей *эмигрантов-мужчин* касаются взаимосвязей показателя ориентации во времени с показателями социальной адаптации. Другими словами, социальная адаптация мужчин-эмигрантов во многом определяется тем, насколько они живут в настоящем, не пытаясь уйти в прошлое или не обесценивая актуальный момент времени предвкушением грядущих успехов. Проведенный анализ показывает, что в процессе эмиграции эффективности социальной адаптации мужчин способствует реальная ориентация во времени и глубокое самопонимание. В сравниваемой с эмигрантами-мужчинами *российской* выборке испытуемых *мужчин* также наблюдается заметная динамика структуры исследуемых показателей. За период исследования *российских* граждан-*мужчин* процесс социальной адаптации не способствовал развитию у них показателей самоактуализации, хотя еще четыре года назад нельзя было наблюдать такую закономерность, благополучная социальная адаптация не связывалась у них с самоактуализацией (об этом говорит отсутствие математически значимых взаимосвязей показателей социальной адаптации и самоактуализации, которые затем отмечаются на заключительном этапе исследования). Таким образом, ди-

динамика структуры исследуемых показателей мужчин-россиян направлена в сторону образования тесных связей между социальной адаптацией и самоактуализацией, что в целом является положительным моментом отмеченной динамики.

Итак, наиболее существенное влияние на динамику обобщенной структуры составляющих ценностно-мотивационной сферы личности *эмигрантов* оказывают показатели самоактуализации: спонтанность, самопонимание, аутосимпатия, контактность, адекватная ориентация во времени и стремление к творчеству, а у *россиян* – потребность в познании, гибкость в общении и стремление к творчеству.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Успешность социокультурной адаптации определяется психологическим механизмом самодетерминации, основой которого является ценностно-мотивационная сфера личности. Ее главные составляющие – стремление к самоактуализации, ценности саморазвития, позитивное самоотношение, толерантное отношение к окружающему, интернальность, мотивационная направленность на успех и активную творческую жизнь, устойчивость к фрустрирующим обстоятельствам.

Выяснилось, что условия проживания в эмиграции не способствуют самоактуализации личности в показателях активности, инициативности, творческой направленности и социальной полезности. Ведущим фактором самоотношения эмигрантов является самоуважение, тогда как у *россиян* – самоуничижение. Успешность социокультурной адаптации эмигрантов обеспечивается самоуважением, аутосимпатией, верой в свои возможности, доверием к окружающему, потребностью в познании и отказом от социальных стереотипов, тогда как *россияне* успешно адаптируются, проявляя гибкость в общении, но подавляя творческую активность и стремление к познанию.

У *россиян* с годами фиксируется подавление творческой активности и стремления к познанию, что, с одной стороны, способствует социальной адаптации в условиях российских реалий, но, с другой стороны, не является положительным моментом самоактуализации. Кроме того, снижаются показатели доброжелательного и терпимого отношения к людям и ощущение эмоционального комфорта.

### Summary

*E.A. Akhmadullina, G.Sh. Gabdreeva.* Specifics and Dynamics of Personal Self-Actualization in Sociocultural Adaptation.

The role of self-actualization in sociocultural adaptation is shown. The emigrational environment is considered as a model situation actualizing the adaptation processes. The research is organized on a longitude strategy base. The emigrants' self-actualization during their 6-year residence in a foreign environment is examined. The specifics of the process is revealed with regard to characteristics of gender.

### Литература

1. *Майерс Д.* Социальная психология. – СПб.: Питер, 1997. – 688 с.

2. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
3. *Хотинец В.Ю.* Межэтнические взаимоотношения: стратегия поведения при достижении поставленных целей // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Конфликт и личность в изменяющемся мире». – Ижевск, 2000. – С. 144–149.
4. *Анн-Вилсон Л.Ф.* Социально-психологические особенности межкультурной адаптации российских студентов в Германии: Дис. ... канд. психол. наук. – Казань, 2003. – 174 с.
5. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R.* Cross-cultural psychology: Research and applications. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. – 473 p.
6. *Бандура О.О.* Влияние самоактуализации на формирование структуры компетентного стиля жизни личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2002. – 19 с.
7. *Калина Н.Ф.* Вопросник самоактуализации личности // Журн. практ. психолога. – 1988. – № 1. – С. 65–75.
8. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2000. – 508 с.
9. *Осницкий А.К.* Определение характеристик социальной адаптации // Журн. практ. психолога. – 1988. – № 1. – С. 54–64.
10. *Грошев И.В.* Психология половых различий: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2002. – 49 с.
11. *Лопухова О.Г.* Психологический пол личности в современных социальных условиях // Субъектность в современном образовательном пространстве / Под общ. ред Л.М. Аболина. – Казань: ИСПО РАО, 2001. – С. 169–181.
12. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
13. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: в 2 т. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 1 – 392 с.

Поступила в редакцию  
09.11.07

---

**Ахмадуллина Эндже Анваровна** – кандидат психологических наук, методист «Тренинг-центра Казанского государственного университета».

**Габдреева Гюзель Шаукатовна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Казанского государственного университета.